

РАССВЕТЫ И ЗАКАТЫ

28

БЕЛЫЙ РАССВЕТ
ПРОСНАЛ

В 2 МАР 1987

БЕРУ наугад прямоуголь-
ники слайдов. На од-
ном из них в жемчужном ут-
реннем тумане всплывает
солнце.

— Это на Унже, — говорит
Иван Михайлович.

На следующем — солнце
опускается за потемневший
уже в сумерках лес. Еще на
одном — луна сияет на яс-
ном небе, и серебряная по-
лоска бежит по широкой за-
води, осторожно прикасаясь
к заросшему ивняком бере-
гу.

— На Нею мы тогда в
байдарочный поход ходили.
Там сделал эти кадры.

Многие рассветы и закаты
удалось ему сохранить на
пленке. Я достаю следующий
кадр — зеленые листья, круп-
ные синие ягоды. В замеща-
тельстве затрудняюсь назвать,
что это такое.

— Да черника же, разве не
видишь капельки росы на яго-
дах! — смеется Иван Михай-
лович.

Я теперь вижу эти проз-
рачные капли, а собеседник
мой, к сожалению, уже ни-
когда не увидит ни капельку
росы, ни заката, ни рассвета.

МНЕ вспоминаются дав-
ние годы, когда почти
каждый вечер «на огонек» в
редакцию молодежной газе-
ты забегали секретари коми-
тетов комсомола. И тогда
стены старого здания сотря-
сались от молодого хохота,
от насмешливых шпилек в
адрес друг друга. В ходу бы-
ли веселые прозвища. Кроме
юмора и шуток, комсорги
приносили нам свои статьи,
делились раздумьями и со-
мнениями, которые потом слу-
жили толчком к нашим вы-
ступлениям. В те годы на
страницах молодежки начали
часто появляться статьи, под-
писанные Иваном Кравцо-
вым. До сих пор помню эти

статьи: «Луч за туманом»,
«Мораль Евгения Ландцетова»,
«10 километров в час», «Шко-
ляр или студент?» Их было
много, и в каждой поднимал-
ась какая-то проблема, касав-
шаяся практики комсо-
мольской работы, воспитания
молодежи, производственных
задач

Шли годы. Жизнь то стал-
кивала нас, то разводила.
Иван Кравцов, начавший на-
шим комсомольцем, стал на-
чальником смены, заместите-
лем начальника цеха, началь-
ником отдела. Но, во-моему,
кем бы он ни был, оставалось
в нем что-то накрепко зало-
женное — комсорговское. Вот
в 1966 году он закончил за-
очно политехнический инсти-
тут и тут же стал вечерами
преподавать в техникуме. Не
просто учил любить и знать
производство, но и вовлекал
в свой богатый и красочный
мир, мир музыки, путешест-
вий, красоты.

— Я ни разу за всю жизнь
не отказался ни от одного
общественного поручения, —
рассказывал он.

Дополню, не просто выпол-
нял порученное, а вносил в
него выдумку, поиск, азарт.
Долго был председателем за-
водского постоянно дейст-
вующего производственного со-
ветания. Участники его за-
помнили анкеты, которые
распространялись на заводе
перед очередным заседанием.
О явке вопроса ставить не
приходилось — обсуждение
было интересным для всех.

А сам Иван Кравцов, ка-
жется, оставался все таким
же: невысокий, ладно сло-
женный, веселый, неизменно

внимательный и деликатный
по отношению к окружаю-
щим. И жизнь поворачива-
лась к нему всеми своими
сверкающими гранями. Как-
то попала в руки книга о
Бетховене. Он читал и бегал
в магазин «Мелодия», поку-
пал пластинки с произведе-
ниями, о которых говорилось
в книге. Так в доме Кравцо-
вых поселилась музыка: Чай-
ковский, Вивальди, Рахмани-
нов. Теперь им тесно на пол-
ках, в картотеке — сотни
названий.

Путешествовать Иван и
Лида любили всегда, с ранне-
го детства интересовали
этим и сыновей Андрея и
Сашу. Но разве мог Иван
Михайлович, раз что-то от-
крыв, не приохотить к этому
друзей. Байдарка, палатка,
гитара, вечерний костер вме-
сте с ним вошли в жизнь
многих людей, потому что
стал он организатором и
председателем клуба туристов
на заводе. А путешествия
сдружили с любителями ту-
ризма из других коллективов.

Однажды на Кавказе он
увидел полет горнолыжника.
И «заболел» этим спортом на
многие годы, овладев им в
совершенстве и снова обретая
надежных и верных друзей
по Домбаю, Терсколу, Чегету.
Ему многое нельзя было де-
лать. С детства знал свое
слабое место — глаза. Ему
бы беречь их, не перегру-
жаться, не переутомляться.
Тем более, что в одном из
походов по Вожеге, подняв
тяжелый мешок, он вызвал
тяжелое заболевание — от-
слоение сетчатки глаза. В то
время было ему сорок пять

28
лет. Да не умел он ни жить, ни работать выносливо. Уже потеряв половину зрения, он возглавлял созданный на заводе отдел стандартизации. При нем проводились первые аттестации продукции, организовывались дни стандартизации, росло число обладателей клейма качества. Сам Кравцов без устали вел самую разнообразную работу, суть которой коротко сводилась к тому, чтобы создавать условия для качественного труда каждого шинника. А в свободное время жадно занимался фотографией, которой увлекся в последние годы. Потеряв глаз, он все еще участвовал в трех походах, правда, уже не на вслаха, а как любовно называли его — «комиссаром». И коллекцию слайдов пополнили пейзажи и снимки памятников старины, цветущий луг и лес в инее. А больше всего было закатов и рассветов: над ржаным полем, в горах, на Рыбинском море.

КОГДА ему сделали первую операцию глаза — всего их будет шесть, — вместе с женой и детьми дежурили у постели женщины из отдела, байдарочки, горнолыжники. Они радовались его первым шагам после болезни, с готовностью подставляя свое плечо другу. А судьба уже готовила свой новый коварный удар. Окончил университет Андрей, стал инженером — программистом, приехал на шинный. В семейном альбоме Кравцовых есть такая фотография: сын сидит на цветущем лугу, высокая трава льнет к его рукам. А дальше еще одна поляна, усыпанная опавшими листьями. На них, опершись на локоть, полулежит Андрей в походной куртке, в сапогах. Густые волнистые волосы касаются плеч, в глазах — печаль. В двадцать три года старшего сына не стало. Ах, как горе жжет глаза, как мрачен цвет печали. Но

сколько стойкости и мужества проявила беда в характере Ивана Михайловича, мягком и добром. Все труднее ему было «ловить разветы и закаты» на плечку. Все легче проникали в душу тревожные звуки бетховенских симфоний, но он собирал у себя друзей и словами «а помните, в Двобас...» вводил их в мир сверкающих вершин и горного ветра.

А прошлой осенью случилась еще одна беда. Погас свет, исчезли краски. В 54 года — инвалид первой группы. Один он не остался.

— Как Лидия? — спросила я.

— Подожди, ответу не сразу, — прошелся по комнате, помолчал. — А Лидя сказала: «Пока я жива, тебе будет со мной хорошо».

Когда становится особенно трудно, Иван Михайлович набирает номер телефона Алексея Павловича Воркунова, танкиста, потерявшего зрение в 22 года. Его позвала с ним дочь старого солдата. А телефон с необычным клавишным набором и «памятью» последнего номера — забота заместителя директора завода М. А. Евдокимова. Обмен квартиры — поближе к заводу, чтобы Лидия в обед могла прибегать домой. — дело руководителей шинного.

О женщинах из отдела стандартизации — особый разговор. Их двенадцать, от 20 до 53 лет. Они постоянно приходят к бывшему начальнику, рассказывают о заводских делах. Байдарочки и горнолыжники приносят с собой в квартиру атмосферу настоящей мужской дружбы, туристские песни, планы будничных походов.

А САМ Кравцов обстоятельно готовится к новому образу жизни. Сейчас вот изучает азбуку Брайля. Находит опору в музыке и общении. Не теряет надежду на активное участие в

жизни завода. И потеряв зрение, глазами души хорошо видит, чего стоят слова и дела. Незадолго до трагедии получил Кравцов долгожданную путевку в специализированный санаторий и, поставив в известность секретаря парторганизации технических отделов, отбыл в отпуск. Вернулся и был оштрафован обвинением, что нарушил партийную дисциплину, не был на отчетном собрании. Один из цеховых руководителей, с которым за многие годы немало «соли съели», так и выразился: вся мол, команда играет, а Кравцов на скамье запасных. Очень обидным показалось это сравнение Ивану Михайловичу. За 32 года пребывания в партии он был членом парткома и членом профкома, возглавлял заводскую группу народного контроля, а вот на скамье запасных не сидел никогда. Секретарь партбюро за девять месяцев лишь недавно навещил больного товарища. И еще один из старых товарищей семь месяцев назад обещал позаботиться, чтобы изготовили на заводе Ивану Михайловичу специальное приспособление для письма. Да все забылось. Не назвал Иван Михайлович фамилий, зачем, «если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так».

Много есть других, настоящих, надежных, верных. И сам он для них — пример мужества, стойкости, крепкой воли. Поэтому и тянутся к нему как к духовной опоре люди разных возрастов.

Под конец разговора мы послушали Мусоргского. Легко было представить: рассвет робко и медленно разгоняет ночной сумрак над рекой. Вот уже первые солнечные лучи осветили округу, согрели воздух, коснулись наших сердец.

И. КОПЫЛОВА.

БЕРЕГНИЙ РАБОЧИЙ

Дрославль

22 МАР 1987